

Чжоу Цзихэн никогда не думал, что придёт Ся Сицин.

Несмотря на многочисленные приглашения Сюй Цичэня, Чжоу Цзихэн не думал, что Ся Сицин действительно обнажит свои шрамы ради так называемого «освобождения». В конце концов, для него гораздо легче предаваться ложной красоте настоящего и управлять любовью других так, как ему заблагорассудится, чем отбросить прошлое и любить себя.

Чжоу Цзихэн не спал всю ночь ранним утром того дня. В тот момент он действительно пожалел, что сказал это, но это было более печально, чем импульсивные слова под влиянием неконтролируемых эмоций. Ся Сицин, вероятно, совсем не возражал.

Я не возражаю, с кем он сотрудничает, и я не возражаю, если кто действительно удовлетворяет его аппетиты.

Поэтому, когда Ся Сицин собирался появиться, сердцебиение Чжоу Цзихэна было ошеломляющим.

Во времена династии Цин Ся Сицин он подошёл и поднял руку, чтобы снять кольцо для волос на затылке, его волосы рассыпались по щекам.

Он посмотрел на Чжоу Цзихэна своими глазами, но когда тот действительно прошёл перед ним, он снова повернулся и вложил сценарий в руку Сюй Цичэня, который сидел сбоку, не глядя на него.

Сюй Цзыси, стоявший рядом с Чжоу Цзихэном, увидел, что Ся Сицин необъяснимо нервничает. Он слегка поклонился и протянул ему руку:

— Здравствуйте, я Сюй Цзыси.

Ся Сицин изобразил чрезвычайно нежную улыбку на своём лице, отведя руку Сюй Цзыси назад:

— Ся Сицин. - Его голос мягок, как облако в небе:

— Ты просто так хорошо играл.

Облако, которое невозможно охватить.

— Спасибо вам, спасибо вам.

Он улыбнулся и убрал свою руку обратно, не глядя на Чжоу Цзихэна от начала до конца.

— Значит, Сицин попробует это снова? - Кун Дао сказал ободряющим тоном. — Не нервничай, давай просто посмотрим, что мы чувствуем.

Все знают, что Ся Сицин не является профессиональным исполнителем. Его даже нельзя связать со словом «актёр». Естественно, ожидаемая ценность невелика. Даже Кун Чэн, который считает, что он подходит на роль Цзян Туна, знает, что имидж и темперамент - это одно, а актёрская игра - совсем другое.

Ся Сицин не стал готовиться. Он подошёл к аппарату, широко улыбнулся и представился просто и ясно:

— Всем привет, я Ся Сицин.

После представления он шаг за шагом вышел за дверь, глубоко вздохнул и открыл дверь.

Глядя на закрытую дверь, Ся Сицин начал паниковать в своём сердце. Он не знал, зачем пришёл. Действительно ли необходимо позволять себе помнить о боли ради нелепой самооценки?

Воспоминания - ужасная вещь. Они могут подорвать чувства Ся Сицина почти в одно мгновение. До тех пор, пока он не будет избегать их, они будут проявляться открыто и бессовестно.

Ся Сицин почувствовал, что его глаза начали терять фокус, а дверь перед ним, казалось, изменила форму и цвет.

Она превратилась в тёмно-синюю дверь его спальни, когда он был ребёнком. Он попытался дотронуться до дверной ручки кончиками пальцев. Казалось, в его сердце была дыра, и чёрная вязкая жидкость мало-помалу сочилась изнутри, понемногу вытекая наружу, плотно обволакивая его сердце и подавляя каждое сердцебиение. Дыхание начало становиться затрудненным.

Ся Сицин убрал руку и изо всех сил попытался убедить самого себя.

На этот раз запертым в комнате был не он. Он собирается спасти ребёнка в комнате. Резкий звук удара по доске из гостиничного номера был похож на сильный намёк на гипноз.

Руки Ся Сицина начали неудержимо дрожать, и все прошлое, о котором он не смел вспоминать, перевернулось, когда чёрная кровь с бульканьем хлынула из его сердца.

[Было бы здорово, если бы ты не родился, если бы я не родила тебя, моя жизнь не была бы такой!]

[Почему я родила такого сына, как ты? Ты такой же сумасшедший, как твоя мать? Почему ты не умираешь!]

Ся Сицин поднял руку и дважды постучал в дверь, как ходячий мертвец.

Его рука замерла в воздухе, и он постучал ещё дважды.

Было бы здорово, если бы кто-нибудь пришёл, чтобы спасти его в первую очередь.

Его рука начала дрожать. Чтобы продолжить, Ся Сицин сжал запястье его правой руки левой рукой и энергично постучал в дверь, повторяя это снова и снова, всё быстрее и быстрее.

Пока дверь не захлопнулась, Ся Сицин на мгновение глубоко вздохнул, и дыхание задержалось у него в груди. Его губы слегка приоткрылись, и он медленно выдохнул.

Он почувствовал легкую дрожь во всём теле.

Он не смотрел на актёра в сценарии, его глаза вспыхнули, и он быстро подошёл к маленькой девочке, схватил её и защитил в своих объятиях.

Актёр, казалось, думал, что Ся Сицин был актёром-любителем, и хотел помочь ему прийти в лучшее состояние, поэтому он специально сотрудничал с ним, чтобы сыграть. Он подошёл и дёрнул Ся Сицина за руку:

— Ты чертовски болен!

Ся Сицин не оглянулся. Он вырвал руки, подняв маленькую актрису, которая глупо стояла, и вышел за дверь, не сказав ни слова.

Актёр в пьесе на мгновение опешил. Это было совершенно не похоже на предыдущее прослушивание, но он быстро отреагировал и сделал два быстрых шага, чтобы схватить Ся Сицина за руку:

— Что ты делаешь! Ты усыпил её ради меня!

Когда он тащил его вот так, Ся Сицин пошатнулся, сделав несколько шагов назад, протянул руку, чтобы защитить голову девочки, и вышел, не сказав ни слова.

Его ноги были немного мягкими, слегка дрожали, его зубы были крепко стиснуты, и он долго тянул «отца» девочки. Я не знаю, была ли рука, державшая маленькую девочку, немного кислой. Все обнаружили, что его рука дрожала.

«Отец» девочки выкрикнул несколько слов, схватил стул рядом с ней и собирался разбить его. У Ся Сицина не было времени спрятаться, и он присел на корточки, крепко обняв маленькую девочку.

У Чжоу Цзихэна случился сердечный приступ, и он бросился наверх, даже не думая об этом. Первоначально актёр разбил его с большого расстояния, просто чтобы занять место, но Чжоу Цзихэн был слишком встревожен и не обладал хорошим чувством меры. Когда он подбежал, он стоял слишком близко, и его ударили по руке. Ножка стула ударила. Внезапно его брови были сильно сдвинуты, и он сильно ударил её.

Он боялся, что актёр напротив будет играть из-за его травмы. Он отреагировал очень быстро и оттолкнул его. Он протянул руку, чтобы оттащить Ся Сицина. В первый раз он не потянул, во второй раз он поднял его с земли.

Ся Сицин, которого подняли, просто опустил голову и обнял маленькую девочку, сделав два шага и поставил её на землю.

Когда «отец» только что накричал на него, Ся Сицин почти за секунду вернулся в прошлое. Он почувствовал горячую боль в своём теле, как будто это была боль от удара клюшкой для гольфа.

Истерические ссоры между его родителями продолжали возникать в его сознании, и он был заперт в комнате, плача и хлопая дверью, пока у него не распухли ладони.

Никто не спас его.

Никто не пришёл, чтобы спасти его.

Взгляд Ся Сицина упал на маленькую девочку, её ресницы задрожали, а глаза были немного расслабленными.

Он присел на корточки, потянул рукой за край мятой одежды девушки, разгладил её, затем протянул руку и осторожно убрал её рассыпавшиеся волосы за уши, нежно касаясь лица девушки.

Он попытался выдавить улыбку, и в тот момент, когда уголки его рта приоткрылись, его зубы бессознательно прикусили внутреннюю сторону губ.

Он глубоко вздохнул и открыл рот, как будто собирался что-то сказать, но, в конце концов, промолчал. Вместо этого он взял маленькую девочку за руку и написал два слова указательным пальцем на её ладони.

Не только для этого ребёнка, но и для себя самого тогда.

Штрихов немного, но Ся Сицин пишет очень медленно, и его пальцы так сильно дрожат, что при каждом штрихе приходится делать длительную паузу, и каждый штрих дается чрезвычайно трудно.

[Не бойся.]

Нанеся последний удар, он медленно сжал маленькую ладошку, сжал маленький кулак, положил его в карман красной куртки маленькой девочки и слегка похлопал по оттопыренному карману.

Взглянув на неё снизу вверх, он внезапно нахмурил брови.

Лицо маленькой девочки в тот год стало таким же юным и беспомощным, как в тот раз.

Малыш, весь в ранах, его чёрные зрачки были полны замешательства и отчаяния.

Всё его тело начало дрожать, и Ся Сицин не осмеливался посмотреть. Он слегка опустил глаза и внезапно стал чрезвычайно робким. Его плечи неудержимо затряслись, и даже маленькая актриса была слишком напугана, чтобы говорить.

Чжоу Цзихэн, который стоял в стороне, наконец, не выдержал, его терпение достигло предела.

Независимо от сценария, Чжоу Цзихэн присел на корточки и положил руку на плечо Ся Сицина.

Очевидно, здесь так тихо, но Ся Сицин может услышать душераздирающий крик этой юной особы, её голос оглушительен.

Молящий о пощаде, зовущий на помощь, рыдающий, безмолвный.

Сила, которая мало-помалу рассеивается.

[Есть ли кто-нибудь снаружи... не могли бы вы открыть мне дверь...]

[Здесь так темно... мне страшно.]

Давно не виделись.

Значит, ты был так напуган в то время.

Ся Сицин поднял глаза, его ресницы слегка дрожали, он попытался посмотреть прямо в лицо маленькой девочки, стиснул задние зубы, протянул руки и обнял её.

Это маленькое тело было таким мягким и хрупким, что Ся Сицин не осмеливался давить сильно, но его руки неудержимо дрожали. Он боялся, что причинит ей боль, и он боялся, что не придаст ей мужества.

Боюсь, что она всё ещё боится.

Наконец, слеза, которой некуда было спрятаться, скатилась с его ясных зрачков, и Ся Сицин закрыл глаза.

Не бойся.

Может быть... всё это прошло.

— Снято!

Этот шлепок по доске заставил всех людей, которые вздохнули с облегчением, найти возможность освободиться.

Выступление только что полностью отличалось от предыдущего прослушивания. Там не было искусных реплик и взрывных сцен плача, но эмоции каждого были мобилизованы, и у одного замерло сердце, что было очень неудобно.

Ся Сицин открыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем отпустить маленькую девочку. Маленькая девочка протянула свою мягкую ручонку и вытерла её о его лицо, её голос был нежным и невинным.

— Брат не плачь.

Ся Сицин рассмеялся.

— Твой брат притворяется, на самом деле не плачет. – Он протянул руку и очень легко сжал лицо маленькой актрисы. — Мне совсем не грустно, тебе грустно?

— Немного.

Ся Сицин улыбнулся и обнял милую маленькую актрису, и нежно повторил свои слова:

— Немного...

Улыбка на его лице была очень хрупкой в глазах Чжоу Цзихэна, как блеск, отраженный кристаллом за секунду до падения.

Ся Сицин испустил долгий вздох облегчения, повернулся на бок и схватил Чжоу Цзихэна за руку. Он случайно дотронулся до того места, куда его только что ударила ножка стула, и Чжоу Цзихэн зашипел от боли.

— А как насчёт вашего профессионализма? – Голос Ся Сицина был очень холодным, и Чжоу Цзихэн не мог понять его нынешнего настроения.

Он просто хочет обнять его, особенно если тот даст ему шанс.

Ся Сицин отпустил руку, которая схватила его, и встал, улыбаясь Кун Дао.

Удивление на лице Кун Дао ещё не исчезло, он тоже встал и подошёл к Ся Сицину.

— Ваше выступление сейчас полностью на уровне профессионального актёра. – Он недоверчиво улыбнулся. — Ты действительно никогда не изучала актёрское мастерство?

— Нет. – Эта роль просто немного похожа на меня, я сыграю её в её истинной природе. — Эмоции Ся Сицина были слишком быстрыми, чтобы полностью восстановиться. Он дернул уголками рта и изо всех сил постарался сохранить приличную улыбку. — Директор, извините, я иду в ванную.

Кун Чэн кивнул и наблюдал, как Ся Сицин выходит из гостиничного номера. Он повернулся и откинулся на спинку стула.

Продюсер рядом с ним спросил:

— Как вы думаете, Ся Сицин выступит лучше? Его последняя слеза только что была действительно потрясающей. Дайте крупный план, это должно быть особенно шокирующе на большом экране. Ему даже не нужно было плакать и кричать, он сразу захватил сердце аудитории.

Продюсер, казалось, подобрал сокровище, с большой самоотдачей анализируя свои навыки, то, как он контролировал время появления слез, как контролировать амплитуду дрожи и под каким углом подходило это лицо. Чем больше он говорил, тем больше возбуждался.

Только когда он закончил последнее предложение, Кун Чэн медленно покачал головой.

— Он вообще не притворяется.

Кунь Чэн обнаружил, что Ся Сицин всё это время не смотрел на актёра, который играл «отца». Это было из-за подсознательного избегания под влиянием страха. Он был слишком напуган, чтобы смотреть или сопротивляться.

На самом деле, человек, страдающий депрессией, не будет громко плакать, и Ся Сицин, возможно, лучше понимает это настроение.

Самое ужасное, что он не осмеливается пойти посмотреть на маленькую актрису, которую он защищал.

Это замечательное «представление» было по-настоящему возвышенным в тот момент, когда маленькая актриса посмотрела прямо на него в конце.

Это вещи, которые нельзя разыгрывать.

Сюй Цичэнь крепко держал сценарий и ничего не говорил.

Чжоу Цзихэн был прав, он действительно был слишком жесток.

Когда он не видел, как Ся Сицин разрывал себя на части, он стоял с точки зрения Бога, который был в стороне, заставляя его вспомнить то ужасное прошлое из первоначального намерения помочь.

Он не мог не сожалеть немного и начал сомневаться в себе.

Он не знал, помогает он ему или вредит.

Ся Сицин умылся и опёрся руками о раковину. Он изо всех сил старался избавиться от своих эмоций прямо сейчас, но это было нелегко.

— Ты в порядке?

Это голос новоприбывшего.

Ся Сицин на мгновение изменил выражение лица, выпрямился и вытер руки двумя листками бумаги:

— Это довольно вкусно. - Он скомкал бумагу в шарик и бросил его в корзину для мусора, его взгляд упал на красивое лицо Сюй Цзыси.

— Я... - Выражение лица Сюй Цзыси поколебалось. — Я хочу знать, почему ты так себя

ведешь? Я имею в виду, как ты это задумал? Потому что после того, как я получил сценарий, я почувствовал, что он должен особенно хотеть защитить эту маленькую девочку, и ему было очень грустно...

Хотя он выразил это очень ясно, Ся Сицин полностью понял, что он имел в виду, и он сделал шаг ближе.

— На самом деле это очень хорошо, что ты так себя ведешь. - Ся Сицин похлопал Сюй Цзыси по плечу, затем опустил руку и положил её в карман.

— Он действительно хочет защитить эту маленькую девочку, но он боится ещё больше. Боится больше, чем тот ребёнок.

Глаза Сюй Цзыси были полны сомнений.

Ся Сицин только горько улыбнулся, его голос медленно затихал, как камень, брошенный в сердце озера.

— Это хорошая вещь - не понимать. Ваше детство, должно быть, было очень счастливым.

Как раз в тот момент, когда Ся Сицин хотел уйти, в дверях ванной появился ещё один человек, и в одно мгновение у него снова сдавило грудь.

Сицин не знал почему, но в этот момент он может смеяться над кем угодно, только не над Чжоу Цзихэном.

Как только он увидел лицо Чжоу Цзихэна, ему захотелось разорвать себя на части и показать ему своё самое уродливое и отвратительное обличье.

Для самоотречения нет никакой причины.

— Цзыси, я хочу поговорить с ним наедине. - Чжоу Цзихэн вошёл с очень вежливым тоном. — Если вам удобно...

Сюй Цзыси немедленно ответил, когда увидел Чжоу Цзихэна, готового войти:

— Ну, ты сказал, брат Сицин, спасибо, я пойду первым.

Ся Сицин не сказал ни слова, он опустил глаза и откинулся на раковину.

Чжоу Цзихэн тоже ничего не сказал, схватил его за руку, отвел в самый дальний отсек ванной

и закрыл дверь.

В тесном пространстве изо всех сил он старался подавить эмоции, но Ся Сицин почувствовал только, как у него стучит в висках.

Он не знал, что с ним не так. Когда он подумал, что Чжоу Цзихэн только что назвал новичка «Цзыси», а его назвал словом «он», он почувствовал раздражение без причины.

Но сердитая поза слишком неблагодарна.

Ся Сицин облизнул уголок рта и притворился, что непринужденно смотрит на Чжоу Цзихэна, его тон был полон сарказма:

— Разве у меня нет имени?

Чжоу Цзихэн на мгновение опешил, прежде чем отреагировать. Он попытался объяснить:

— Я думаю, это слишком серьезно, чтобы называть его полным именем. Это заставит его неправильно понять, что я выпускник.

— Ну и что? - Ся Сицин неохотно посмотрел ему в глаза, слово за словом. — Разве у меня нет имени?

Под его таким взглядом вину Чжоу Цзихэна было некуда скрывать.

Он хотел называть его Сицином или даже более интимным именем, но у него не было подходящей должности.

— Ты втянул меня в это без разговоров. - Ся Сицин сложил руки на груди, его глаза легкомысленно поднялись. — Возможно ли, что ты хочешь сделать это сейчас?

Он не знает, кому сейчас говорит эти резкие слова, он вообще не может себя контролировать.

Эмоции выходят из-под контроля, и их невозможно рассеять, поэтому используйте другую эмоцию, чтобы скрыть их.

Ся Сицин вздёрнул подбородок, и изгиб его шеи приобрел хрупкую красоту.

— Как ты думаешь, я только что хорошо сыграл? - На его щеках всё ещё остались капли воды.
— Хорошо ли мне выглядеть, когда я плачу? Заставляет ли это тебя хотеть быть защитником?

Серия пыток жестоко поразила сердце Чжоу Цзихэна.

Видя, как брови Чжоу Цзихэна хмурятся всё сильнее и сильнее, а суставы его сжатых кулаков белеют, Ся Сицин испытал необъяснимое чувство выполненного долга, и казалось, что раздражение Чжоу Цзихэна может доставить ему огромное удовольствие.

Он усмехнулся, и несколько прядей мокрых волос прилипли к его щекам:

— Тебе меня жалко? Жалеешь меня, значит, ты хочешь сделать это со мной? Или сначала поцеловать? - Ся Сицин подошёл к нему вплотную, его губы, которые только что были прикушены, светились ярким румянцем.

Чжоу Цзихэн, наконец, не выдержал и яростно толкнул его к стене.

Камень, который был брошен в сердце озера, наконец-то должен был упасть, и он упал на дно безмолвного и холодного озера.

Ся Сицин опустил глаза, но Чжоу Цзихэн крепко обнял его.

Он удивленно нахмурился и хотел оттолкнуть Чжоу Цзихэна, но тот обнял его крепче.

— Сейчас я очень зол, - голос Чжоу Цзихэна немного дрожал, очевидно, он боролся с эмоциями, — Но через некоторое время я успокоюсь.

Ся Сицин был поражён, его голос был слабым.

— Ты злишься... Почему ты всё ещё обнимаешь меня?

— Иначе ты убежишь, и я пожалею об этом, когда успокоюсь. Я не хочу сожалеть об этом. - Руки Чжоу Цзихэна сжались ещё крепче.

На мгновение воцарилась тишина, и в этой тишине было слышно только биение сердец друг друга.

Рука Чжоу Цзихэна слегка ослабла, и он глубоко вздохнул:

— Я больше не сержусь. - Эта рука медленно двинулась вверх, потирая голову Ся Сицина, его ладонь была неприятно тёплой.

Чтобы обнять розу, требуется мужество и терпение.

Я знаю, что эти шипы вонзятся в кожу и в кровь. Все в порядке. Дай мне минуту, и я вытащу их. Боль быстро пройдёт.

Но я всё ещё хочу обнять эту розу.

Чжоу Цзихэн наконец сказал то, что хотел сказать ему с самого начала, и нежно поцеловал его в волосы.

— Не бойся, Сицин.

— Я здесь.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284197>